

УДК 316.61:37.014

А. В. Алимбиева

**СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ:
ПОИСК ИЛИ НАВЯЗЫВАНИЕ?
(НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

60

На примере Калининградской области обсуждается вопрос о формировании социальной идентичности в современном российском обществе. На основе анализа регионального публичного дискурса, данных социологических исследований и кейс-стади рассматривается процесс продвижения и навязывания модели нормативности и социальной идентичности, маркируемых как характерных для «подавляющего большинства» граждан, «традиционных» для российского общества и морально верных, но противоречащих реальному состоянию общественного сознания многокультурного социума.

This article discusses the development of social identity in the modern Russian society in the case of the Kaliningrad region. Based on an analysis of the regional public discourse and the data of surveys and case studies, the author considers the process of promoting and imposing a model of normativity and social identity marked as one characteristic of the “overwhelming majority” of citizens, “traditional” for the Russian society, and morally true, but nevertheless contradicting the actual state of the public consciousness of a multicultural society.

Ключевые слова: социальная идентичность, публичный дискурс, «подавляющее большинство», нормативность, навязывание идентичности.

Key words: social identity, public discourse, “overwhelming majority,” normativity, imposition of identity.

В условиях роста культурного разнообразия и демократизации общественной жизни вопрос о путях формирования и развития социальной идентичности, казалось бы, не стоит, а естественным образом должен решаться в пользу свободного поиска и выбора индивидом тех социальных групп и тех систем ценностей, с которыми он хотел бы себя отождествлять. Однако специфика текущего этапа развития российского общества такова, что демократические ценности оказываются в ряду пустых деклараций, а объективная социокультурная дифференциация (по некоторым параметрам заметно превосходящая «мировые аналоги»), характерная для любого современного общества, попросту игнорируется. Более того, как примечательную тенденцию последнего времени можно выделить стремление к формированию и продвижению

(навязыванию) некоего единого дискурса, описывающего смысл и цели общественного и индивидуального бытия и соответствующей идентичности.

Исследователи говорят в этой связи о социальном институте «подавляющего большинства». Так, по словам философа и культуролога Александра Маркова, большинство это отнюдь не является таковым, а выступает инструментальным понятием, лишь мыслится как заранее данная реальность, в которую «уже потенциально включены любые нации и группы». Этим «подавляющим большинством» прикрываются там, где необходимо, но невозможно или затруднительно получить поддержку значительной части (в идеале всех) граждан. По сути, говорит Марков, «подавляющее большинство» — это «механизм легитимации тех решений, которые нельзя принимать демократическим путем» [5]. А Д. Дондурей называет его «составной частью целостной, хотя еще не опознанной, а может быть специально не декларируемой содержательной доктрины власти» [3]. Благодаря активности провластных структур, включая СМИ, это мнимое большинство выглядит как демократическое в глазах как самих российских граждан, так и нередко внешнего наблюдателя.

Проблема, которую создает продвижение идеологии «подавляющего большинства» — это противопоставление «нашего» как отражающего ценности и позицию «большинства» и «ненашего» как иного, с последующей стигматизацией и дискриминацией представителей последнего.

Социологические исследования, проводимые нами в регионе на протяжении ряда лет, а также анализ регионального публичного дискурса позволяет нам проиллюстрировать тезис о навязывании идентичности «подавляющего большинства» на примере Калининградской области — самого западного региона России, эксклава, граничащего со странами Евросоюза.

Геополитическое положение во многом определяет контекст большинства происходящих в регионе процессов, включая социальную идентификацию его жителей. Еще в советское время, проживая в «закрытом» (месте дислокации советских войск), но портовом регионе, калининградцы имели возможность соприкоснуться с западной культурой. В постсоветский период связи населения региона с европейскими странами стали значительно более активными, а поездки в соседние Литву и Польшу едва ли не более частыми, чем в другие регионы России.

Неудивительно поэтому, что идентичность, взгляды, стиль жизни калининградцев отмечены западным (прежде всего европейским) влиянием. Занимаясь изучением социальной идентичности жителей области, мы обнаружили, что калининградцам в большей степени присуща «европейскость», чем жителям какого-либо другого региона России. Как гражданин России житель Калининграда может не чувствовать своей непосредственной причастности к европейцам, но сравнивая свой образ жизни, уровень экономического развития региона, местные

культурные традиции, уровень развития личных и деловых контактов с другими странами, с другими регионами России, он ощущает, что находится ближе к Европе не только в географическом, но и в культурном и экономическом отношении [1].

В настоящее время в этом специфическом в социокультурном отношении регионе, как и в других частях страны, реализуется стратегия нормативизации идентичности «подавляющего большинства», подразумевающая насаждение определенных ее характеристик и компонентов как единственно приемлемых, безусловно правильных и соответствующих некоей культурной традиции.

Следует отметить, что подобная стратегия не является изобретением нашего времени, она активно использовалась и в советский период. В Калининградской области это проявлялось следующим образом. В то время калининградский социум, полиэтничный, искусственно сформированный из переселенцев из разных частей страны, на бытовом уровне столкнувшись с артефактами совершенно иной (немецкой) культуры, функционировал по принципу «плавильного котла». При этом отечественными идеологами в общественное сознание населения новой советской области внедрялась дихотомия «советское, наше — фашистское, чужое», в результате чего сформировалось «неповторимое духовно-географическое пространство» без «ярко выраженных национально-культурных признаков» [6, с. 15]. Рынок труда имел гендерную специфику (значительная доля моряков и военнослужащих), однако данные устной истории позволяют считать, что участие женщин и мужчин в так называемом восстановлении области было более или менее паритетным [2]. При этом регион был советским «атеистическим проектом», что в частности подкреплялось символически через использование сохранившихся культовых сооружений (кирх, костелов) в хозяйственных целях (в качестве овощехранилищ, спортзалов и т.п.). «Безрелигиозность, бросающаяся в глаза уже при беглом знакомстве с областью», отмечалась историками как одна из важнейших черт регионального социума [6, с. 15].

В постсоветский период влияние этих нормативных образцов ослабло, проявились новые тенденции. С одной стороны, усилилось движение в сторону русофилизации, зафиксированы проявления ксенофобии и русского национализма, а с другой — миграционные процессы сопровождались условной культурной автономией переселенцев (активизация диаспор, землячеств), а также появлением новых социальных практик, характерных для прибывших в область этнокультурных групп. В регионе стал открыто наблюдаться интерес к его довоенной истории, что выразилось в создании клубов краеведов, издании соответствующей литературы и т.д. Подобные процессы лишь усилили социокультурную дифференциацию в регионе, расширив пространство возможных выборов для формирования и развития социальной идентичности его жителей.

В последнее время ввиду усиления авторитарности политического режима, а также роста влияния Русской православной церкви (затронувшего прежде всего систему общего образования, а также проявив-

шийся в символической сфере — через передачу РПЦ ряда культурно-исторических объектов) ситуация радикально изменилась. Все более активным становится процесс насаждения определенной модели нормативности и идентичности, которая продвигается в публичном дискурсе как поддерживаемая большинством, хотя таковой не является. Эта нормативность определяется как «традиционная» и носит православно-клерикальный, ксенофобский (в частности, антизападный) и патриархатный характер. Продвижение такого рода нормативности через публичный дискурс, ее навязывание вопреки распространенности иных взглядов и убеждений, можно проследить на следующих калининградских сюжетах.

(1) Ярким примером расхождения мнения значительной части граждан и публичного дискурса может служить вопрос о сохранении довоенного (немецкого) культурно-исторического наследия Калининградской области. Согласно данным социологического опроса жителей области, проведенного в июле 2013 г., калининградцы в целом с уважением и интересом относятся к истории и культуре Восточной Пруссии: об этом сообщили 55,8 % и 26,2 % опрошенных соответственно. Подобный интерес не является чисто теоретическим: люди активно поддерживают идеи сохранения и восстановления немецкого культурно-исторического наследия, как в целом (97 % в той или иной степени положительных ответов), так и его отдельные компоненты — брусчатое покрытие улиц (84 %) и сложившиеся в довоенное время системы городского трамвая (76 %) (данные опроса взрослого населения Калининграда, июнь 2012 г.). Более того, в Калининграде и других населенных пунктах области реализуются общественные инициативы, направленные на спасение силами граждан конкретных объектов восточно-прусского наследия (например, Закхаймских ворот в Калининграде, замка Инстербург в Черняховске и др.).

Несмотря на это, власти проводят политику, фактически ведущую к уничтожению этого наследия. В одних случаях представители власти оправдывают свои действия (или бездействия) отсутствием достаточной компетенции или подходящего закона, в других — просто игнорируют проблему или отказываются признавать памятник памятником (как, например, в случае со зданием из фортификационного комплекса Литовского вала). Активно используется стратегия «ссылок на общественность», в рамках которой чиновники апеллируют к интересам отдельных социальных групп, некоторые из которых откровенно мифологизированы (как, например, женщины на каблуках, которым неудобно ходить по брусчатке). Примечательны в этом смысле размышления заместителя руководителя областной службы охраны памятников, в которую поступают обращения граждан, где утверждается, что по закону «мы должны защищать культурное наследие Российской Федерации, а не других государств» и что «не следует защищать от разрушения здания, потому что они немецкие» [9]. Это пример того, что в публичном дискурсе находят отражение именно единичные случаи подобных обращений, но не факты массовой поддержки гражданами идеи сохранения немецкого культурно-исторического наследия, в том числе зафиксированные социологическими исследованиями.

(2) Аналогичным образом выстраивается дискурс вокруг проблемы гендерного (не)равенства. Наши исследования показывают, что ни одна из позиций (патриархатность – эгалитарность) не является позицией большинства. В общественном сознании уживаются порой противоположные точки зрения относительно гендерных ролей мужчин и женщин, распределения между ними домашних обязанностей и иных функций. Так, например, 77 % женщин и 60 % мужчин считают, что мужчина и женщина должны поровну делить все обязанности по дому и воспитанию детей; в то же время 63 % женщин и 78 % мужчин полагают, что мужчина должен быть главой семьи и принимать все основные решения. Значительные доли граждан говорят о существовании гендерной дискриминации в российском обществе (44 % женщин, 29 % мужчин), о неравенстве прав и возможностей мужчин и женщин (38 % и 53 % женщин, 25 % и 32 % мужчин), о собственном опыте дискриминации по признаку пола (22 % женщин, 10 % мужчин) (данные опроса взрослого городского населения области, июль 2013 г.). Несмотря на это, представители власти отрицают сам факт существования гендерной проблемы. Председатель Калининградской областной думы буквально пишет: «вопрос гендерного равенства... не представляет особой актуальности» [8], а председатель калининградского регионального движения за духовно-нравственное возрождение утверждает: «...К счастью, процентное соотношение сторонников и противников гендера в регионе внушает оптимизм: абсолютное большинство жителей города сохраняет традиционную ориентацию взглядов и ценностей – и именно они ставят подписи на листах протеста против принятия гендера в качестве новой идеологии...» [4].

(3) Особым аспектом выстраивания идентичности «подавляющего большинства» является православизация. Православная идентичность рассматривается как характерная для большинства (россиян вообще и калининградцев в частности) и – более того – как олицетворяющая общественную мораль. Хорошо заметным продвижением подобного дискурса было в период активных дискуссий по поводу передачи РПЦ объектов немецкого культурного наследия. В 2010 г. в области был принят закон о передаче в собственность Русской православной церкви 15 региональных объектов немецкого культурного наследия – так называемых культовых (орденские замки, кирхи). Кроме того, распоряжениями Правительства РФ, принятыми в течение того же года, Калининградской епархии РПЦ было передано свыше трех десятков (34) объектов «религиозного назначения», находившихся в федеральной собственности. Калининградская общественность, а также представители других религиозных организаций, лютеранской и католической церквей, которым и принадлежала в досоветское время часть переданных РПЦ объектов (кирхи), восприняла такие меры негативно, выразив свою позицию в митингах протеста и обращениях к президенту, премьеру, патриарху, региональным властям, где калининградцы были названы «россиянами, ответственными за общеевропейское историческое наследие» [7].

Оппонируя общественности, представители православной церкви активно использовали тезис о том, что подавляющее большинство жителей региона являются православными верующими и заинтересованы в развитии сети мест отправления культа. В реальности, как показывают наши исследования, православная идентичность даже у русских по национальности жителей области выражена достаточно слабо. В их самоописаниях религиозной принадлежности принадлежит крайне скромное место: аналитический индекс ее значимости составляет 0,07 (при максимально возможном значении 1), который значительно ниже показателей по таким характеристикам, как национальность (0,20), проживание в Калининградской области (0,23), пол (0,26), российское гражданство (0,36) и др. То же касается описания «настоящего русского», среди признаков которого «быть православным» занимает последнее, девятое, место с индексом 0,13 — после знания русского языка (0,86), ощущения себя русским (0,73), любви к России (0,69) и др. (по данным опроса взрослого городского русского населения области, 2011 г.).

Таким образом, сегодня мы наблюдаем, как в условиях объективно многокультурного общества выстраивается, навязывается — как единственно возможный — определенный тип идентичности, название которому, возможно, придумают историки будущего. Проблема в том, что в масштабах регионального социума и всего российского общества это создает угрозу (которая с каждым днем превращается в реальность) противопоставления одной части общества другой, что, в свою очередь, облегчает манипулирование, усиливает стигматизацию и дискриминацию «оппозиционной» группы, стимулирует социальные конфликты, тормозит общественное развитие.

Противостоять этой угрозе можно лишь создавая условия для самостоятельного и свободного поиска индивидами своей идентичности. Развитие в таком направлении даст нам надежду на то, что и завтра мы будем жить в свободном и гуманном обществе.

Список литературы

1. Алимтиева А. В. Социальная идентичность калининградцев в социальном и геополитическом контексте // Псковский регионологический журнал. 2009. №7. С. 36–47.
2. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. СПб., 2002.
3. Дондурей Д. «Абсолютное большинство граждан» против «гражданского общества». URL: <http://gefter.ru/archive/10700> (дата обращения: 25.12.2013).
4. Калининград — против уничтожения нравственности. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/03/4/kaliningrad_protiv_unichtozheniya_nravstvennosti/ (дата обращения: 18.01.2014).
5. Марков А. Изобретение «подавляющего большинства». URL: <http://gefter.ru/archive/9433> (дата обращения: 25.12.2013).
6. Маслов Е. А. Религиозно-политическая жизнь в Калининградской области во второй половине 1940-х — 1950-х гг. : автореф. дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2004.

7. *Открытое* обращение жителей Калининграда по поводу передачи объектов культурного наследия в собственность религиозных организаций. URL: http://www.sclj.ru/news/detail.php?print=Y&SECTION_ID=238&ELEMENT_ID=3096 (дата обращения: 25.12.2013).

8. *Письмо* председателя Калининградской областной думы М. Э. Оргеевой Президенту РОО «Союз женщин Калининградской области» М. Ю. Матюниной №07.4–08/824 от 15 марта 2012 г.

9. *Служба* охраны памятников: нас просят не защищать немецкое наследие. URL: <http://www.newkaliningrad.ru/news/community/2549806-sluzhba-okhrany-pamyatnikov-nas-prosyat-ne-zashchishchat-nemetskoe-nasledie.html> (дата обращения: 25.12.2013).

Об авторе

Анна Викторовна Алимпиева — канд. социол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: anna_alimpieva@mail.ru

About the author

Dr Anna Alimpieva, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: anna_alimpieva@mail.ru

УДК 37.01

П. Б. Торопов

СОЦИАЛЬНОЕ СОДЕЙСТВИЕ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Представлены некоторые результаты исследования связи между отношением молодежи к мигрантам и их компетентностью в социальном содействии, а также опыт формирования, компетенции в социальном содействии как фактор, снижающий интенсивность межэтнических противоречий. Доказано, что становление компетенции в социальном содействии наиболее результативно происходит в процессе самой социально значимой деятельности (поведения), при условии ее результативности.

This article presents the results of a study into the connection between the youth's attitudes to migrants and prosocial cooperation competence, as well as the development experience and prosocial cooperation competence as a factor mitigating ethnic tension. It is shown that the development of prosocial cooperation competence is most efficient in the course of the activity (behavior) in the condition of its effectiveness.

Ключевые слова: межэтнические противоречия, социальное содействие, этапы формирования компетенции в социальном содействии, влияние опыта социального содействия на отношение к мигрантам.

Key words: ethnic tension, prosocial cooperation, stages of formation of prosocial cooperation competence, influence of prosocial cooperation experience on attitudes towards migrants.